

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ
О ПРИРОДЕ И СУЩНОСТИ ЯЗЫКА
Статья 2. Эстетика невыразимого*

О.Б. ПАНОВА

«Невыразимое подвластно ль выраженью»?
Язык и Красота Миротворения

У русской философии – глубокие софийные корни; наследница древнейшей софиологической традиции философии жизни¹, она навсегда сохранила исконно свойственное ей удивление перед вечной Красотой творения Мира *Богом-Словом*, само любование, «очарование лепотой»². Поэтому на протяжении всей истории лингвофилософских поисков и постижения глубинной природы Языка *русская философия языка* пребывала в неразрывной связи с *эстетикой* и *философией искусства*³, одновременно поддерживая тесный контакт с эстетической традицией классического трансцендентального идеализма, западно-европейской философией жизни и философией откровения⁴.

Если ведущие представители классической трансцендентальной философии вслед за Кантом основывались преимущественно на убеждении в красоте, гармонии и логичности Мира, исходя из принципа всевластия *Разума*, и Мир для них был подчинен *Сознанию*, логически схвачен и геометрически строго оформлен *Чистой Мыслью*, а priori прекрасен, потому что *разумен* и обладает порядком, ценностью, значимостью, целью, смыслом подобно гармонично упорядоченному Космосу древнегреческих философов-элеатов⁵, то русские философы в искреннем доверии Красоте как свидетельству об Истине / Естине исходили из веры в изначальность Слова, Божественного Логоса. «Предвечно сущее Слово, Которое Само о Себе говорит: «*Аз есмь сый*», явилось тем *творческим принципом*, в Котором и Которым сотворено все существующее. Вселенная, Космос, есть раскрытие и откровение изначально сущего Слова. *Будучи этим раскрытием и откровением, Мир в самых тайных недрах своих логичен, т.е. сообразен и соразмерен Логосу*», – читаем у В. Эрн⁶. Красота у русских софиологов сопряжена с самой Жизнью, понимаемой как истинное творчество, творческая динамика, способность к саморазвитию с целью реализации того замысла, который изначально заложен самим Богом в Его творение; именно Красота – всеобъем-

* Статью 1 «"Оправдание" логоса» см.: ФН. 2013. № 3.

люющая мировая взаимосвязь — положена ими в основу концепции Всеединства⁷.

Красота *Живого Всеединства Вселенной* не подвластна умозрительному созерцанию и рациональному объяснению, не оформляема логически, ведь только эстетическим переживанием в его целостности, целостным эстетическим опытом достигается полнота Жизни. Философы Русского религиозного ренессанса обладали *художественно-софийным чувством* — творческим восприятием Мира-в-Софии. «София открывается в миру как Красота, которая есть осязаемая софийность Мира»⁸. София — Мировая Душа, Премудрость Божия, проявление Его Любви, *чистая божественная идея* далее сотворенного и вечно творимого согласно этой идее Мира, идеальный *мирообраз*, изначально предсуществующий в сознании Бога-Творца, идеальный творческий проект Его Целомудрия, универсальная связь между Богом и Миром, ипостась Бога, иногда прямо отождествляемая с Христом, Сыном и Словом Божиим⁹. Сама русская метафизика всеединства вырастает из *интуиции софийности* Мира. Наиболее проникновенно эту интуицию выразил Н.О. Лосский в книге, непосредственно посвященной Красоте Миро-творения: «...эстетика, как отдел философии, есть наука о мире, поскольку в нем осуществляется красота... Идеал красоты осуществлен там, где действительно осуществлена всеобъемлющая абсолютная ценность *совершенной полноты бытия*, именно этот идеал реализован в Боге... учение об идеале красоты есть *онтологическое понимание красоты*: в самом деле, красота не есть какая-либо прибавка к бытию, а само бытие... Определение идеала красоты высказано мною без доказательств. Каким методом можно обосновать его? — Конечно, не иначе, как путем опыта, но это — опыт высшего порядка, именно *мистическая интуиция* в сочетании с интеллектуальной (умозрительной) и чувственной интуицией... Слову «интуиция» я придаю следующее значение: *непосредственное созерцание познающим субъектом самого бытия в подлиннике*, а не в виде копий, символов, конструкций, производимых рассудком»¹⁰.

Способен ли Язык, в таком случае, *выразить* «тайну Жизни», это удивление несказанной Красоте Миро-творения, это «очарование лепотой»? Не стоит ли согласиться с логиками Запада — «О чем невозможно говорить, о том следует молчать» (Л. Витгенштейн)?¹¹ Но русские философы исходят из присущей русской культуре глубокой веры в *софийность* слова — «Слово подобно Свету, и, как Свет, оно открывает Красоту и дает радость. Мудрость выражается в Слове, и потому *Слово софийно*»¹². Авторитетные исследователи русской словесности неоднократно указывали на непрерывную — еще со времен исихастов и средневековых богословов на Руси — традицию *эстетики «невыразимого»* в ее истории¹³. Эта традиция эстетики невыразимого, тишины, безмолвия, эстетики Софийного Слова объемлет всю исто-

рию русской культуры. В XIX в., золотом веке русской словесности, высокую степень Божественного присутствия в Слове чувствовали и пытались передать В.А. Жуковский, Г.С. Батеньков, В. Кюхельбекер, Н. Бестужев, А. Дельвиг, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, В.Г. Белинский, Ф.И. Тютчев, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой и многие другие. От этой эпохи нить преемственности благоговения перед Красотой Миро-творения Словом тянется дальше – к русскому богословию, софиологии, философии слова и философии искусства Серебряного века русской культуры¹⁴, не прерываясь и на рубеже XX – XXI столетий, в современную, глубоко кризисную эпоху русской истории. Ю.В. Манн в книге, посвященной эстетической мысли русского романтизма, приводит объединенные общей темой молчания стихотворения В.А. Жуковского «Невыразимое» (1819), Ф.И. Тютчева «*Silentium*» (1830) и О.Э. Манделштама «*Silentium*» (1910), особо акцентируя их преемственную связь, и подвергает всестороннему рассмотрению сквозной мотив «невыразимого» в истории русской поэзии¹⁵.

Что наш язык земной пред дивною природой?

С какой небрежною и легкою свободою
Она рассыпала повсюду красоту

.....
Едва-едва одну ее черту

С усилием поймать удастся вдохновенью...

Но льзя ли в мертвое живое передать?

Кто мог создание в словах пересоздать?

Невыразимое подвластно ль выраженью?

.....
Святые таинства, *лишь сердце* знает вас.

.....
Хотим прекрасное в полете удержать,

Ненареченному хотим названье дать —

И обессиленно безмолвствует искусство?

Сия сходящая святыня с вышины,

Сие присутствие Создателя в созданье —

Какой для них язык?.. Горé душа летит,

Все необъятное в единый вздох теснится,

И лишь молчанье понятно говорит.

Комментируя вышеприведенное стихотворение В.А. Жуковского и другие, ученый отмечает: Истина невыразима, но все стихотворения объединены изумлением перед тайной дарованного свыше Слова, глубоким убеждением в абсолютной со-вечности и со-природности Слова и Бога и стремлением к выражению «невыразимого» в поэти-

ческом слове, поиском языка, который смог бы донести смысл Божественного Откровения. Согласно софиологической традиции, творчество воспринимается в русском культурном контексте как сакральное действие, возможное лишь при божественном участии, со-творчество, как приобщение к Божественной Премудрости. Русские мыслители и поэты уверены в глубокой религиозности *искусства слова, искусства поэзии / искусства языка* («Поэзия небесной религии сестра земная». — В.А. Жуковский), которое в том и состоит, чтобы соединять и связывать (re-ligio!) дальнее с горним, человеческое с божественным, реальное с идеальным, реальнейшим, приоткрывать «завесу» абсолютной полноты Бытия, прорицать подлинные божественные смыслы и доносить весть о высших духовных ценностях, которые «узрываются скорее сердцем — органом для Воскресения горного мира»¹⁶.

Чтобы *приблизиться* к постижению «непостижимого» и проявлению его в слове — выражению «невыразимого» — необходим Символ, который является «посредником» между бесконечным и конечным, вечным и временным, истинным и кажущимся, ноуменальным и феноменальным. Русские философы предложили свое толкование символа, существенно отличающееся от его толкования западноевропейскими мыслителями: теми и другими символ увиден в разных ипостасях и понят в разных проявлениях своей многогранной природы. Западные философы сосредоточены преимущественно на рассмотрении человеческой способности *означивания*, совокупности выражения ценностных человеческих отношений к Миру и на описании Языка Культуры, включающего в себя семиотические системы поэзии, философии, религии, эстетики, истории, музыки (яркий пример тому — философия символических форм Э. Кассирера¹⁷). Русский символизм предстал в качестве целостной мировоззренческой концепции, *миропонимания*, в основе которого — особая онтология символа: постижение символичности всего Мира как Божественного творения, проявления в нем Божьей Премудрости, Софии, интуиция связи Божьего Промысла с человеческой жизнью и тяготение к ускользающей целостности и полноте охвата Бытия. Наиболее точно суть русской философии символа выражена опять же поэтом-символистом А. Белым (также прошедшим, кстати, марбургскую школу неокантианства¹⁸); его поэтические фрагменты сокровенно близки философским размышлениям о символе П.А. Флоренского:

«Не событиями захвачено существо человека, а *символами иного...* Воссоздавая *полноту жизни или полноту смерти*, художник создает *символ...* К тому, что было прежде времен, к тому, что будет, обращен символ... Символ пробуждает музыку души. Когда мир придет в нашу душу, всегда она зазвучит. Когда душа станет миром, она будет вне мира».

«Язык — наиболее могущественное орудие творчества. Когда я называю словом предмет, я утверждаю его существование... Образная

речь состоит из слов, выражающих *логически невыразимое* впечатление мое от окружающих предметов. Живая речь есть всегда *музыка невыразимого*... живое, изреченное слово — выражение сокровенной сущности моей природы... Слово создает новый, “третий” мир — *мир звуковых символов*... мир внешний проливается в мою душу; мир внутренний проливается из меня в зори, в шум деревьев; в слове, только в слове воссоздаю я для себя окружающее меня извне и изнутри, ибо я — слово и только слово»¹⁹.

«Всю свою жизнь я думал, в сущности, об одном: об отношении явления к ноумену, об обнаружении ноумена в феноменах, о его выявлении, о его воплощении. Это — вопрос о символе. И всю свою жизнь я думал только об одной проблеме, о проблеме символа... Все дело было для меня в том, чтобы *познать мир в его жизни*, в его подлинно существующих соотношениях и движениях. Но то, что *в мире есть неведомое*, было, как я воспринимал, не случайным состоянием моего, еще неведовавшего ума, а *существенным свойством мира*. *Неведомость — жизнь мира*. И потому мое желание было *познать мир именно как неведомый, не нарушая его тайны*, но — подглядывая за ней. *Символ и был подглядыванием тайны*. Ибо тайна мира символами не закрывается, а именно раскрывается в своей подлинной сущности, то есть как тайна... у меня был в руках Гёте и Гёте без конца... А то, к чему я стремился, — было гётевским первоявлением... Это был *Urphaenomenon*»²⁰.

Соответственно Язык в русском понимании — феномен эстетический, поскольку *естественным* (что значит *истинным*, ведь Истина = Естина в русском культурном контексте) образом воспринимает Красоту Миров-творения и дает возможность выражения Мира в смысле явления его прекрасного лика в Софии, в софийном Слове и поскольку *символически* способен передать всю полноту эстетического переживания человеком мировой гармонии и особенность сугубо человеческого — творческого, «поэтического» — миропостижения. Язык, восприимчивый к Красоте, сам становится истинно «прекрасным», т.е. обретает метафоричность, художественную образность, особую стилистическую выразительность. Говоря на языке Красоты, Человек говорит с Миром на его родном языке, что от природы присуще древним народам, «народам-поэтам», «народам-художникам»²¹ и подлинно творческим людям — философам, живописцам, поэтам, вечным искателям Прекрасного. «То, что происходило на заре рождения языка, когда слова говорили себя в душе, возникали в ней... как голос природы, ощущались в своей мощи, самобытности и красоте, имели напевность и заклинательную силу, это теперь... сохраняется лишь в поэзии. Поэт, настоящий поэт... сам со священным удивлением *созерцает рождающееся в нем слово*, как дикарь, или как дитя, или как первобытный человек... В самом деле, спросите поэта, почему он берет те или другие сочетания слов, разве он скажет?.. *Так есть*, ответит оно

(поэтическое произведение) *самим фактом своего существования в благоуханной красе своей...* И поэт первый должен отказаться от этого вопроса, если только он действительно поэт, если он присутствовал при рождении этого стихотворения, а вовсе не выдумал его, в каком-то смысле не есть даже его автор, — оно само себя сочинило. *Объективная красота* есть исключение преднамеренности и рациональной целесообразности, *она не знает нашего “почему”*, но лишь повелительное *“так есть”*»²².

Потому Язык — выражение Красоты Мира, откровение явления его в Софии — и не соотносился никогда русскими философами исключительно с Чистым Сознанием, не ставился в зависимость от Чистого Разума, но был неотрывен для них от Живой Жизни, живой пульсирующей мысли, от Поэзии Природы, от Целомудрия Логоса, от Божественной Премудрости. *Сопряженность* Языка и Сознания всегда рассматривалась ими в общем контексте философии всеединства, философии цельной жизни духа. С точки зрения западноевропейских философов, обратившихся к проблеме взаимосвязи Языка и Сознания в гносеологическом ракурсе и избравших путь формально-логической аналитики Языка, Язык, в идеале логически совершенный, поставлен *в отношение* к Миру; он схематично и зеркально-поверхностно оформляет *языковую картину* Мира, оставляя за гранью *непостижимую* внеязыковую реальность, и сам как таковой разумно, рационально, понятийно организован в соответствии со строгими законами логики. В таком понимании Язык — Язык абстрактно-понятийных конструкций и логико-грамматических структур — отражает *мета-физическое* (в классическом смысле) разграничение чувственного и сверхчувственного миров и представляет собой поле теоретико-методологических операций Трансцендентального субъекта классики. Поэтому философы Запада (как представители англо-американской аналитической философии — Г. Фреге, Б. Рассел, Дж. Мур, Л. Витгенштейн, Р. Карнап, Дж. Остин, Г. Райл, П. Стросон, У. Куайн, Д. Дэвидсон, в большей мере сосредоточенные на логическом анализе языка, так и немецкие мыслители экзистенциально-герменевтического направления — М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер, пытавшиеся проникнуть в его поэтическую сущность, а также французские ученые — Ж. Деррида, М. Фуко, Р. Барт, Ю. Кристева), создавая философию языка в традициях классической трансцендентальной философии, открывая возможности «лингвистического трансцендентализма» и способы построения специфических языковых онтологий, тем не менее часто чувствовали себя в «ловушке языка» (Ницше), попадая под его влияние и в итоге полностью оказываясь в его «власти» (Р. Барт). Русской философии, «вселённой» в «дом Бытия», обитающей в «жилище Языка», изначально присуще понимание Языка как жизненной стихии, чистого творчества, чистой поэзии: Язык — обитель Истины,

откровение Бытия и тайн Вселенной, бережный хранитель мудрости Жизни. Даже само «стремление к Истине, стремление к точности по своей природе лингвистично, т.е. коренится в языке, берет начало в слове», как утверждает поэт И. Бродский, и на Западе, в изгнании, казалось бы, в отрыве от родных корней русской культуры, сохранивший истинно русское благоговение перед Словом, глубоко русский дух Поэзии²³. Ведь Язык способен объять Вселенную и Жизненный Мир Человечества во всем многообразии его проявлений, во всей его жизненной полноте и творческой динамике, способен схватить не только логику мысли, но логику самой Жизни. П.А. Флоренский характеризует Язык следующим образом: «Язык существует фбсеи... Поэтому, человек — творец языка, божественно свободен в своем языковом творчестве, всецело определяемом его духовной жизнью, изнутри»; «язык предстоит духу как целое, уже готовое, сразу обозреваемое, хотя, в то же время, он — только по-мгновенно творится духом и существует лишь постольку и лишь тогда, поскольку и когда творится... Но язык — живое равновесие *ἔρως* и *ἐνέργεια*... Точнее сказать, именно противоречивостью этою, в ее предельной остроте, и возможен язык — вечный, незбылемый, объективный Разум, пре-человеческий *Λόγος* и он же — бесконечно близкий душе каждого, ласково-гибкий в своем приноровлении к каждому отдельному сердцу, всегда индивидуальный, в каждый миг свой, в каждом своем движении индивидуальность выражающий... Язык... огромное лоно мысли человеческой, среда, в которой движемся, воздух, которым дышим. Но это он же — лепечущая затаенность наша, трепетное сердце младенца, сокровенная песнь нашей внутренности, душа души в нас... личная наша мысль опирается не на уединенный разум, коего самого по себе вовсе нет, но на Разум Соборный, на вселенский *Λόγος*... нет и индивидуального языка, который не был бы вселенским в основе своей; нет вселенского языка, который бы не был в своем явлении — индивидуальным»²⁴. Язык, таким образом, вырастая из жизненной стихии и сохраняя безграничный творческий потенциал, воспринимая и наследуя всю Красоту Миротворения Слова, сам способен творить Мир, охватывая его как *Всеединство* — Единое в многообразии всех индивидуальных уникальных проявлений; Единое, в процессе изменений всегда сохраняющее Целостность, Единое как сама *Жизнь*, в истоке которой — всепроникающая Любовь, идущая из глубин Вселенной. Язык *есть*, в таком случае, сама возможность проявления и осуществления Красоты в Мире, в наибольшей степени свидетельствуют об этом язык искусства и поэзия.

Искусство как возможность «выражения» Невыразимого

В истории русской культуры в целом, особенно в творческом наследии русских классиков, есть множество страниц, дающих пример области скрещения, сопряжения, мгновенного совпадения в одной

точке искусства, художественного творчества, словесности, философии и богословия, максимального проявления величия и красоты Языка, его творческой способности к выражению Истины. Одним из таких творческих откровений русской культуры является эпизод романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина», посвященный художнику Михайлову, созданию его картины «Христос и Пилат». С образом художника Михайлова связано толстовское понимание сокровенной, божественной основы и глубоко религиозной природы искусства. Творческий дар и неповторимое мастерство русских художников — художников кисти и художников слова — свидетельство способности русского человека к созерцанию Красоты, умиротворению Красотой — «умозрению в красках»²⁵ и восприятию Истины Божественного Логоса.

«Я не мог писать того Христа, которого нет у меня в душе», — сказал Михайлов мрачно. Душа художника Михайлова, наделенного вдохновением и любовью к искусству, отмеченного глубоким проникновением в Истину Бытия, божественным озарением, связанным с поиском смысла человеческой жизни, в момент творчества достигает той вершины совершенства, где Человек и Художник, Творец едины. Высказать, воссоздать через образ, слово, переживание, творчество, воплотить христианскую Истину — в этом открывается самый сокровенный — *истинный* — смысл бытия Человека в Мире.

«Все подвижное лицо Михайлова вдруг просияло: глаза засветились. *Он хотел что-то сказать, но не мог выговорить от волнения...* Тотчас же вся картина его ожила перед ним со всею невыразимостью всего живого...

— Как удивительно выражение Христа! — сказала Анна, — Видно, что ему жалко Пилата.

Это было опять одно из того миллиона верных соображений, которые можно было найти в его картине и в фигуре Христа. Она сказала, что ему жалко Пилата. *В выражении Христа должно быть и выражение жалости, потому что в нем есть выражение любви, неземного спокойствия, готовности к смерти и сознание тщеты слов*»²⁶.

Вышеприведенный фрагмент романа «Анна Каренина» о творческом безмолвии художника Михайлова и глубоком искреннем понимании его картины Анной и Вронским обретает неожиданный отклик в искусствоведческих эссе русского философа И.А. Ильина. «Вам приходилось когда-нибудь видеть *лицо художника*, когда вы, возвращаясь из глубокого, самозабвенного созерцания его произведения, как бы из некоего священного колодца, в котором вы слышали или видели его видение, — когда вы начинаете выговаривать вслух, с трудом подыскивая слова, то Главное, ради которого он создавал свое произведение? Вы говорите в великой сосредоточенности, как бы

ошупью, медленно, беспомощно, то иносказанием, то намеком; иногда почти изнемогая от напряжения, — но по существу верно. А его лицо, — *и не лицо уже, а лик*, — сияет радостным светом *свершенности*; ибо он видит, что искусство его состоялось в вас... И вам уже не нужно спрашивать его, верно ли вы осязали духом его художественный помысел; ибо на лице его вы уже прочли ответ... Искусство есть, прежде всего, и глубже всего — *культ тайны*, искренний, целомудренный, непритязательный... Истинный художник есть не только «жрец прекрасного» (Пушкин), но и жрец мировой тайны, постигаемой в глубине сердечного созерцания... Ибо искусство рождается из таинственных недр мирового бытия»²⁷.

Этот эпизод романа Толстого возникает в русле очень древней художественной традиции русской культуры, более того, мирового христианского наследия, поддерживаемой и ныне. Это традиция русской *живописи*, вершиной проявления которой является *иконопись*, особенно иконопись древнерусская, искусство Феофана Грека, Андрея Рублева, Дионисия Ферапонтовского — «живописная» страница великой русской истории. Искусство иконописи, явившееся творческим результатом глубоко сердечного восприятия русским народом христианского откровения, тысячелетиями складывалось на Руси²⁸, и в дальнейшем на протяжении долгого времени икона играла важнейшую *мировоззренческую* роль в развитии русской культуры, оказывая серьезное влияние и на историю становления русского искусства, и на русскую словесность — русскую классическую литературу и русскую религиозную философию. Иконописцев на Руси не случайно величали философами, имея в виду, скорее всего, истинно русское *любомудрие*, любовь к Мудрости, Предвечной Софии. «*Иконопись есть метафизика бытия*, — не отвлеченная метафизика, а конкретная... предмет ее — сама природа, *Богозданный мир в его надмирной красоте*... Иконописец выражает христианскую онтологию... философствую своею кистью. Не случайно... высоких мастеров иконописи называют философами, хотя в смысле отвлеченной теории они не написали ни одного слова. Но, *просветленные небесным видением*, эти иконописцы *свидетельствовали воплощенное Слово* пальцами своих рук и воистину философствовали красками... *Свидетельство же о мире духовном* есть, по воззрению всей древности, *философия*. Вот почему истинные богословы и истинные иконописцы равно назывались философами», — читаем у П.А. Флоренского в работе «Иконостас», которая сама по себе — шедевр философии иконы, русского иконописного наследия, самосознающего русского искусства²⁹. Слово «*икона*», изначально греческое, означает «*образ*» в смысле платоновского εἶδος, вечная идея, божественная первосущность, небесный образец; в славянских языках — «*образ*» в смысле откровения Божественного Логоса, Слова во всей эстетической полноте его проявлений. Для русского мировоз-

зрения в целом характерен особый интерес к Человеку, Человеческой Личности, изначально богоподобной. Иконопись — высшее его проявление: икона — живое воплощение богочеловечности и человечности, «образа и первообраза», *человеческого совершенства*. Образ Христа, совершенного Богочеловека, Спасителя, Всечеловека — главный образ русских икон. Вокруг Христа, Богоматери, святых сосредоточена иконопись, направленная на постижение человеческого предназначения — стремления к открытию в себе Первообраза, первоисточника истинной *Человечности* — Христа, живущего в душе каждого. Высшим выражением духовности на иконе является *лик* — «осуществленное в лице подобие Божие». В Человеке воплощен образ — Лик Божий, и икона о том свидетельствует.

Мысль Толстого здесь встречается с невозможностью выражения в слове — с *невыразимостью*: человеческий язык художника Михайлова неизбежно «немеет» перед Словом Высшего Художника, вербально не достигая Его Истины. Зафиксировать словами мысль, переживаемую как уникальное творческое напряжение создателя при попытке постижения Истины во всей ее глубине, оказывается невозможным. Это проявление того, что человеческая творческая мысль несамодостаточна. Если мысль родилась в сознании художника, то она содержит в себе нечто другое, являющееся ее истоком и основанием. Это другое — Бытие, человеком до конца непостижимое, Богосотворенный Мир «в его надмирной красоте». И авторское слово содержит в себе всю глубину сопряжения Души Человека и Бога в его смысловой многомерности и беспредельности. Толстовский поиск глубинной сути *Слова* есть неотъемлемая часть особой традиции очарования Красотой в истории русской культуры — «эстетики невыразимого», идущей еще от древнерусских живописцев и богословов. В ее основе — чувство напряжения в Слове между Временем и Вечностью, его со-природность небесному, божественному и одновременно существование в земном, обыденном мире.

Более глубокому пониманию этой «эстетики невыразимого», ее сути способствует творческий поиск самих русских художников и богословов. В жизни философа и богослова С.Н. Булгакова была уникальная, длившаяся более четверти века, духовная дружба с художницей Юлией Николаевной Рейтлингер, сестрой Иоанной, полностью посвятившей себя творческому служению Красоте — искусству иконописи. Она входила в единый с отцом Сергием круг русской эмиграции XX в., переписывалась и общалась с Вяч. Ивановым, В.В. Зеньковским, П.Б. Струве, М.И. Цветаевой, ее духовным наставником был также о. Александр Мень. Одно из писем Ю.Н. Рейтлингер к С.Н. Булгакову содержит ее глубочайшие размышления о Красоте, о высоком предназначении и весьма скромных возможностях художника: «*В начале* было не так. *В начале* было иначе. Потому что

сказано в Библии: *«И увидел Бог, что это хорошо», «добро зело»*. Красиво. Прекрасно. Добро – Красота. А здесь? Трагический конфликт между красотой внешней и внутренней, красотой и добром. Потому, что существо отравлено грехом, изгнано из рая... Здесь *Красота и красота не сходятся друг с другом*. Но выше – в Духе Святом – они сходятся... *Это о красоте, потому что искусство живет красотой... Искусство представляется некоторым откровением Божиим в человеке... Если бы природа не была ликом Божиим – не воспевалась бы она в «Песни Песней». А живопись обращена... к этому лику Божию в творении... Любовь – начало Божественное... Искусство есть начало Любви*. Это любовь человека к Божьему творению, к Божьему миру... *Бог сотворил человека по образу и подобию, и мир – в Духе Святом, в красоте. Мир хранит этот частично потерянный образ красоты – ищет его полноту в искусстве, оно изображает мир в красоте... и воссоздает то, что было в начале, – и поэтому оно связано с сотворением мира, и поэтому называется творчеством*. *«Традиция есть настоящее соборное (коллективное) творчество всего человечества. Мудрость вековая... Традиция есть любование, восхищение, стремление к совершенству... но традиция имеет еще гораздо более таинственные и священные основы. Художники всех эпох вдохновлялись прошлыми эпохами. В этом преемстве – традиция искусства. В этом какая-то тайна мечты о красоте всего человечества»³⁰*. Искусство, Слово рождается в душе создателя из сокровенных глубин Бытия и осуществляется не как придуманное, принесенное извне, но как причастное к «непостижимому», проникнутое «невыразимым» бытийным смыслом. Искусство и есть земное проявление Божественного Логоса. Поэтому произведение искусства – подлинный шедевр Художника, Поэта, Творца – «живет», так как имеет символическую природу, выражает самую суть Бытия, содержит в себе возможность постижения его сокровенных глубин. Творчество возможно лишь при участии Предвечного Совершенного Софийного Слова, соприродного Истине, Любви, Добру, Красоте Божьего Миров-творения. Из духовного дневника сестры Иоанны: *«Иконописание... должно быть для меня подвигом безмолвия... Ищется воплощение Слова в нас... Точно Господь именем Своим, которым и творится это делание, берет в Свою Тишину на какой-то момент, и сердце просит не возвращаться, остаться дольше в Тишине... эта Тишина не пустота, а полнота. Полнота Любви... Поскольку безмолвие не есть бессловесность, а слово в бытии – «рожденное прежде всех век». «Молчание есть язык будущего века» – для нашего века истинное безмолвие есть сочетание молчания и слова – мудрое, целомудрое... безмолвие любви. Вдохновение жизни... Безмолвие и сохраняет все в Софии, в целомудрии»³¹*.

Творческое наследие Толстого дает и другие примеры эстетики Слова и эстетики Тишины, теснейшего контакта Бога и Человека, взаимосвязи *Бог – Слово – Душа Человека*.

— Мари, ты знаешь, Еван... — но он *вдруг замолчал*.

— Что ты говоришь?

— Ничего, не надо плакать здесь, — сказал он, тем же холодным взглядом глядя на нее...

Птицы небесные ни сеют, ни жнут, но Отец ваш питает их, — сказал князь Андрей сам себе и хотел то же сказать княжне, — Но нет, они поймут это по-своему, *они не поймут...* Мы не можем понимать друг друга³².

Приведенный выше фрагмент эпопеи «Война и мир» демонстрирует встречу двух текстов Культуры: художественного мира русского классического романа XIX в. и Священного Писания, сакрального текста Божественной Книги, Библии, явленную в едином символическом образе — *«птиц небесных»*. Истина невербальна, а потому может быть передана Человеку только языком символов, образов, красок — единственно возможным Языком Красоты, единственным способом «свидетельствовать об Истине». *«Птицы небесные»* — знак изначального одиночества Человека, память об исходной бессловесности, беззвучности, тишине и неотделимости души от нее, подчеркнутость молчания. *«Птицы небесные»* — сокровенная суть души князя Андрея, символ иного небесного мира; евангельский образ, посредством которого Андрею открывается Истина, не получающая словесного выражения. Птицы небесные знают что-то недоступное человеку, обладают духовными ценностями, отныне принадлежащими и герою Толстого, максимально приблизившемуся к ним на грани жизни и смерти, постигающему Бога в глубинах своей души. Спустя много лет после создания «Войны и мира», в книге Толстого «Круг чтения» появится глава, названная «Мудрость», где он пишет: «Чем уединеннее человек, тем слышнее ему всегда зовущий его голос Бога». И далее писатель полностью приводит стихотворение Ф. Тютчева «Silentium»:

Как сердцу *высказать* себя?

Другому как *понять* тебя?

Поймет ли он, чем ты живешь?

Мысль изреченная есть ложь.

Взрывая, возмутишь ключи, —

Питайся ими — и *молчи*³³.

Слова недостаточно, чтобы дать представление об идеальном, об Истине Бытия, о Боге, который, по Толстому, является сокровенной частью человеческой души, следовательно, неотделим от нее. Это требует особого отношения к Слову, особой поэтики Слова, Логоса, с помощью которого писатель проникается ощущением надличного, трансцендентного мира. Подлинное, абсолютно-истинное — *невывра-*

зимо, но поэтическая мысль Тютчева все же стремится к выражению «невыразимого» в слове, к поиску совершенного языка. Искусство погружается в стихию первоначал Бытия и впервые обретает свой Язык. Подлинное Творчество должно иметь «опыт молчания», чтобы, обнаружив в слове материально-вещное, возвысить его до идеально-символического; быть способным к примирению крайностей, сопряжению в Слове «небесного» и «земного» начал. В основе эпоса Толстого – сущностное начало, бытийная глубина жизни, сокровенный порядок вещей. Изменчивое имеет свое основание в неизменном; время – в Вечности; речь – в молчании; слово писателя – в Слове Божественном; художественный образ – в «небесном образце». Художник, Поэт, Творец в момент творчества непременно погружен в стихию диалога, «со-общения» с Абсолютом; душой и сердцем устремлен в сферу высшей Божественной Истины. Реальность такого «со-общения» (*re-ligio*) содержит отсылки к смысловой полноте и целостности Мира, к творческому самовыражению, к пониманию как поиску себя в Боге и Бога в себе, к постижению Истины. Таким образом, Человек приобретает подлинно-жизненный опыт *Истины* (познания), *Добра* (общения) и *Красоты* (творчества).

Здесь приведены лишь два фрагмента истории русской словесности – эпизод о творческих исканиях художника Михайлова при создании картины «Христос и Пилат» («Анна Каренина») и эпизод о сокровенных переживаниях Андрея Болконского, читающего Евангелие и воспринимающего Истину христианского откровения («Война и мир») из наследия великого русского классика Л.Н. Толстого. Однако в них сосредоточена и, как в капле воды, отражена вся эстетическая и софиологическая традиция русской духовной истории с перспективой ее дальнейшего развития. Подобных «фрагментов» – достижений не мало в истории русской культуры, и все они свидетельствуют об *искусстве Слова*, о безграничном творческом потенциале Языка и гораздо шире – о Духовности, о Боге, о творческом предназначении Человека в Мире.

В целом русская живопись, художественно-эстетические искания классиков русской словесности, богословие и философия языка, сокровенные размышления о Красоте и искусствоведческие концепции русских мыслителей, возникающие в русле общей эстетической традиции русской философии всеединства, в совокупности свидетельствуют о *Целомудрии Русского Логоса*. Они взаимосвязаны и объединены культом *невыразимого*, *тишины*, *безмолвия* – благоговения перед Словом как даром Человеку свыше, удивлением перед тайной Слова-Универсума, имеющего безграничный творческий потенциал, глубоким пониманием абсолютной со-бытийности, со-вечности и со-природности Слова, Бога, Мира и Человечества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Топоров В.Н.* Еще раз о древнегреческом «софия»: происхождение слова и его внутренний смысл // *Топоров В.Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. Первый век христианства на Руси. – М.: Языки русской культуры, 1995. С. 67 – 90.

² См.: *Бычков В.В.* Духовно-эстетические основы русской иконы. – М.: Ладомир, 1994. С. 73 – 88; см. также: *Яковлев Е.Г.* Эстетика молчания, тишины и света // *Яковлев Е.Г.* Эстетика. Искусствоведение. Религиоведение. – М.: КДУ, 2005. С. 524 – 541.

³ См.: *Бычков В.В.* Русская теургическая эстетика. – М.: Ладомир, 2007.

⁴ В указанном контексте размышлений следует учесть, что и в мировой интеллектуальной истории «наука о языке» никогда не была изолирована от «наук о культуре и духе» в целом и смогла состояться только в общефилософском дискурсе. Сам «лингвистический поворот» в гуманитарном познании стал возможным только при осуществлении непрерывного философского диалога о Языке, который все еще продолжается. Открытие В. фон Гумбольдта, например, возникло в результате тесного плодотворного научного контакта с трансцендентальной философией Канта, философией абсолютного духа Гегеля, эстетическими концепциями Шеллинга и европейского романтизма, поэтическим творчеством Гёте. Аналогичным образом, путем «обмена опытом», происходили новые и новые «открытия Языка» – М. Хайдеггера, Л. Витгенштейна, Н. Хомского, Э. Сепира и Б. Уорфа, Ж. Деррида и многих других.

⁵ «В своих основных понятиях и предположениях немецкий идеализм повторяет греческий... В искусстве видел он, прежде всего, *силу оформления, дар гармонии...* Мир открывался идеалистам в своей божественной красоте, *в красоте законченности, как великое явление искусства, как целое или система осуществленных форм...* Они знали только этот, *античный путь* к Абсолютному... Идеализм не выходил за пределы античной религиозности: Бог для идеализма оставался только Идеей всех идей, Первоначалом, или Первопричиной, основанием или средоточием космического лада... Мир как бы застывает. Или должен застыть, остановиться, как прекрасное видение... Пафос формы приводит к понятию конца или предела... Мир извечно замкнут своей формой, точно зафиксирован системой форм. И все равно, разложимы ли эти формы в логические законы или схватываются только интеллигибельным воображением гениального поэта. Все равно, *в красоте своей мир статичен, недвижим*» (*Флоровский Г.В.* Вера и культура. Избранные труды по богословию и философии. – СПб.: РХГИ, 2002. – С. 407 – 410).

⁶ *Эрн В.* Борьба за Логос. – Мн.: Харвест, 2000. С. 80.

⁷ *Соловьев В.С.* Красота в природе // *Соловьев В.С.* Соч. В 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1990. С. 351 – 389.

⁸ *Булгаков С.Н.* Свет не вечерний. – М.: Республика, 1994. С. 199.

⁹ *Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины // *Флоренский П.А.* Соч. В 2 т. Т. 1. – М.: Правда, 1990. С. 389.

¹⁰ *Лосский Н.О.* Мир как осуществление красоты. Основы эстетики. – М.: Прогресс-Традиция, 1998. С. 17, 34 – 35.

¹¹ *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат // *Витгенштейн Л.* Философские работы / сост., пер. М.С. Козловой. Ч. 1. – М.: Гнозис, 1994. С. 72 – 73.

¹² *Топоров В.Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. Первый век христианства на Руси. С. 55.

¹³ См.: *Канунова Ф.З.* Эстетика «невыразимого» у В.А. Жуковского // Православие и Россия: прошлое, настоящее, будущее. Материалы духовно-исторических чтений / под ред. протоиерея Л.М. Харайма. – Томск: Изд-во научно-технической литературы, 1998. С. 155–158. См. также: *Канунова Ф.З.* Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. С. 21–43, 63–99.

¹⁴ См.: *Кребель И.А.* Мифопоэтика Серебряного века. Опыт топологической рефлексии. – СПб.: Алетейя, 2010.

¹⁵ *Мани Ю.В.* Динамика русского романтизма. – М.: Аспект Пресс, 1995. С. 20–31.

¹⁶ *Топоров В.Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. Первый век христианства на Руси. С. 66.

¹⁷ См.: *Кассирер Э.* Философия символических форм. В 3 т. – М.; СПб.: Университетская книга, 2002. См. также: *Кассирер Э.* Избранное. Опыт о человеке / отв. ред. Л.Т. Мильская. – М.: Гардарики, 1998.

¹⁸ См.: *Дмитриева Н.А.* Русское неокантианство: «Марбург» в России: историко-философские очерки. – М.: РОССПЭН, 2007.

¹⁹ *Бельи А.* Символизм как миропонимание / сост. Л.А. Сугай. – М.: Республика, 1994. С. 131, 246, 257.

²⁰ *Флоренский П.А.* Детям моим. Воспоминания прошлых дней // *Флоренский П.А.* Имена / сост., вступ. ст. и прим. С.А. Филоненко. – М.: Эксмо-Пресс; Фолио, 1998. С. 792, 796–797.

²¹ См.: *Афанасьев А.Н.* Народ-художник: Миф. Фольклор. Литература / сост. и коммент. А.Л. Налепина. – М.: Сов. Россия, 1986. См. также: *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. В 3 т. – М.: К. Солдатенков, 1865–1869.

²² *Булгаков С.Н.* Философия имени. – СПб.: Наука, 2008. С. 225.

²³ *Бродский И.* Поэт и проза // *Бродский И.* Соч. В 6 т. Т. 5 – СПб.: Изд-во Пушкинского фонда, 2001. С. 137.

²⁴ *Флоренский П.А.* У водоразделов мысли // *Флоренский П.А.* Имена. С. 148, 156–157.

²⁵ См.: *Трубецкой Е.Н.* Три очерка о русской иконе. – М.: Центр гуманитарной информатики «ИнфоАрт», 1991.

²⁶ *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. (Юбилейное издание) / под общ. ред. В.Г. Черткова. Т. 19. – М.: Художественная литература, 1935. С. 178.

²⁷ *Ильин И.А.* Одинокий художник. Статьи. Речи. Лекции. – М.: Искусство, 1993. С. 252–253.

²⁸ См.: *Бычков В.В.* Феномен иконы. – М.: Ладомир, 2009; *Бычков В.В.* 2000 лет христианской культуры sub specie aesthetica. В 2 т. – М.; СПб.: Университетская книга, 1999.

²⁹ *Флоренский П.А.* Иконостас // *Флоренский П.А.* Имена. С. 406–407, 437–438.

³⁰ *Рейтлингер Ю.Н. (сестра Иоанна) и о. С. Булгаков.* Диалог художника и богослова. Дневники. Записные книжки. Письма / сост., предисл., коммент., примечания Б.Б. Поповой. – М.: Никея, 2011. С. 143–145, 153–154.

³¹ Там же. С. 227, 240–241, 243, 256, 261.

³² Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. (Юбилейное издание). Т. 12. – М.: Художественная литература, 1940. С. 59.

³³ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. (Юбилейное издание). Т. 42. – М.: Художественная литература, 1957. С. 107.

Аннотация

Статья посвящена русской философии слова и языка. Особое внимание уделяется софиологической традиции философии всеединства с ее смысловым ядром – эстетикой «невыразимого». Выявляется творческая сущность Языка, его исконная соприродность Истине, Добру, Красоте, Любви. Обосновывается взаимосвязь философии языка, эстетики и философии искусства, имеющих в истории русской философской мысли общие софиологические корни.

Ключевые слова: язык, красота, эстетика невыразимого, искусство, русская софиология, русская словесность.

Summary

The paper is devoted to Russian philosophy of word and language. Particular attention is given to sophiological tradition of the philosophy of all-encompassing unity with conceptual core – esthetics of «inexpressible». The constructive entity of the language, its original cognation with Truth, Kindness, Beauty, and Love is clearly demonstrated. The interconnection between the philosophy of language, esthetics and philosophy of art that have mutual sophiological roots in the history of Russian philosophy is understood.

Keywords: language, beauty, esthetics of inexpressible, art, Russian sophiology, Russian literature.